

Анархизм, феминизм, индивид

Колин Райт

1994

Оглавление

Мужчины в феминизме	3
Феминизм и раскол на либеральное и радикальное	5
Анархизм и деление на личное и публичное	7
Анархизм, феминизм и экология: за рамками дуализма	8
Список использованных работ	10

Серьёзный анархизм должен быть ещё и феминистическим, иначе это лишь вопрос патриархального полуанархизма, а не настоящий анархизм.

Федерация анархистов Норвегии

Как социальные анархисты, мы унаследовали суть основанной на опыте теории, которая со временем становится всё влиятельнее. Нам анализ силовых отношений, базирующихся на иерархическом угнетении и доминировании, даёт понимание многих современных социальных движений — понимание, которого самим движениям может не хватать. Как бы то ни было, пока у нас есть только голый остов всеобъемлющей социальной теории, мы обязаны учиться у новых социальных движений, чтобы облечь эту теорию в плоть. Поэтому мы активно получаем опыт из рассказов не белых людей о европоцентризме и других разновидностях расизма, ЛГБТ-активистов — о гетеросексизме и гомофобии, защитников прав животных — о спесишизме и т. д.

В данной статье мы присмотримся непосредственно к движению феминисток, чтобы увидеть, какой вклад именно анархистское исследование может внести в него, и узнать что-нибудь новое о своём движении от феминизма. И раз поддержка феминизма мужчиной звучит парадоксально, я начну с раздела, посвящённого моей собственной вовлечённости в эту проблему. А завершать я буду своими домыслами, касающимися экологии в качестве будущей площадки для взаимодействия между анархизмом и феминизмом.

Будет преуменьшением сказать, что анархистское движение — и исторически, и на современном этапе — андроцентрично. Теоретическая приверженность абстрактному и усреднённому «равенству» оставляет много недосказанностей, особенно если «равенство» не распространяется на бытовую сферу. Многие исследователи анархизма продолжают игнорировать факт мужского доминирования, адресуя свою критику исключительно денежно-товарным отношениям, капиталу, государству или цивилизации. Несмотря на все достоинства этой критики, гендерному равенству даётся низкий приоритет, или полагается, что оно естественно установится, когда появится «правильный» стиль мышления. Тот факт, что отучение от сексизма может потребовать усилий, упоминается редко.

Мужчины в феминизме

Мужчины обязаны бороться, чтобы создать для самих себя такое гендерное положение, при котором будет запрещено верховенство мужского пола.

Сандра Хардинг

Как мужчина, я не слишком интересовался феминизмом, пока не усвоил окончательно политику левого движения за экологию. Я верил (пусть и с чувствительностью к проблемам женщин), что человеческая свобода может быть достигнута в областях знаний, почти полностью принадлежащих мужчинам. В те времена я лишь пассивно

поддерживал цели женской автономии. Только усвоив, благодаря книгам, мысль, что все мужчины, не только те, кто унижают, насилуют, домогаются и дискриминируют, получают пользу от сексизма, я смог яснее увидеть свои привилегии как (белого) мужчины. В семейной жизни, обучении, на рынке труда я почти всегда имел преимущества перед моими ровесницами (и не белыми). Мой интерес к феминизму рос, и, читая научную феминистскую литературу и романы, я начал осознавать, что мои собственные взгляды на будущую утопию становились всё более позитивными к женщинам и даже гиноцентричными. В то время как моя антикапиталистическая и антигосударственная направленность оставалась такой же непоколебимой, как и всегда, я заметил в себе сдвиг ценностей в сторону более внимательного отношения к заботе, воспитанию и близости. Я начал развивать феминистскую чувствительность, и стало легче замечать за людьми патриархальное поведение, которое ранее было для меня невидимо. Я приближался к пониманию того, какую пользу мне лично приносит борьба феминисток. Хотя Эмма Гольдман указывает на то, что исключительно сами женщины могут освободить себя из-под собственного «внутреннего» гнёта, мужчины могут сыграть значимую роль в разрушении «внешнего» патриархата.

Отучив сначала себя, потом других мужчин от сексизма, мы можем помочь создать такой климат, который будет содействовать полному включению каждого человека в каждую сферу жизни. Хотя в феминистском комьюнити существует целый спектр мнений насчёт участия мужчин, большинство женщин приветствуют поддержку. Сандра Хардинг в своей последней книге настаивает, что мужчинам надо дать возможность быть феминистами, чтобы, по аналогии, белые женщины смогли быть антирасистками. По её мнению, мужчины должны усвоить «предательские личности» и выработать «феминистскую позицию» (Хардинг). Тем не менее мужское вовлечение в феминизм (это моё личное мнение) требует осмотристельности. «Мужчины любят присваивать себе, направлять, судить и контролировать всё, что попадает в их руки», — пишет Хардинг. Таким образом, только если мы осведомлены об опасностях поглощения феминизма нашей мужской повесткой дня, только если мы хотим слышать мнения женщин, мы можем вносить свою лепту в феминистское движение. В конце концов, его цель — расширить права женщин. Однако, со всем тем, что было сказано, есть ещё много сложных, укоренившихся и относительно неизученных препятствий, из-за которых люди остаются сексистами. Мы можем сделать вклад в логику феминизма, гендерное равенство и т. п., но так и не заметить, что ведём себя устрашающе и высокомерно. Когда мы обращаемся к факторам институтов (семья, школа, медиа и т. д.), показываются едва различимые (а то и вполне заметные) последствия гендерной социализации. Нам всё еще относительно немного известно о детском развитии и конструировании мужественности и женственности. И пусть на полную ликвидацию патриархальной модели поведения потребуется время, в конечном итоге феминизм — это об освобождении человека. Все мы получим огромную пользу от общества, которое будет поощрять заботу и кооперацию, не прибегая к угрозам, агрессии и запугиванию.

Феминизм и раскол на либеральное и радикальное

...достижение полной свободы женщин — всех женщин, а не каких-то привилегированных — предполагают столь глубокие экономические, социальные и политические изменения, что если такой сценарий осуществится, то ныне существующий статус-кво не сможет выжить и не выживет.

Хестер Эйзенштейн

Если вкратце, феминизм есть стремление к гендерному равенству и признание того факта, что мужское доминирование существует и оно неправильно. Его истоки лежат в либеральной традиции личности, совершающей самостоятельный и свободный выбор. Эта традиция сильна в настоящее время и ярко представлена либеральными феминистками. Они верят, что равенство может быть достигнуто путём изменения существующей системы через содействие большему равенству возможностей (расширенный доступ к образованию и рабочим местам и т. п.). Тем не менее шестидесятые и семидесятые годы застали «вторую волну» радикального феминизма с его новыми течениями: собственно радикальным, социалистическим, лесбийским, чёрным, анархическим и т. п. Радикальные феминистки, в отличие от феминисток-либералок, верят, что вся система — патриархальный либерализм — есть полная изъянов схема, созданная мужчинами и для мужчин в их собственных интересах. Таким образом, для них феминизм безусловно революционно ориентирован. К сожалению, пока доступ к медиа есть только у мейнстримных или либеральных феминисток, революционный потенциал феминизма затушёвывают и сводят на нет. В то же время значимость либерального феминизма обсуждается без общего согласия феминистского комьюнити насчёт значения этого термина. Социальная феминистка Зила Эйзенштейн верит, что из-за внутренних противоречий (могут ли женщины быть равны с мужчинами в патриархально-либеральном государстве?) либеральный феминизм в конце концов изживёт себя и откроет путь к принципиально новому обществу. Её словами, «противоречие между либерализмом как патриархальной и индивидуалистской структурой и идеологией и феминизмом как половым равноправием и коллективизмом закладывает основу феминистского движения, превосходящую по охвату либерализм» (Зила Эйзенштейн).

Другие в этом не столь уверены. Бел хукс пишет, что «процесс, благодаря которому такой радикализм всплывёт на поверхность, неясен «...Позитивное влияние либеральных реформ на жизнь женщин не должно приводить к предположению, что они полностью истребят систему доминирования» (хукс). По хукс, «революционные импульсы должны свободно дополнять нашу теорию и практику знаниями о том, ведёт ли к прогрессу феминистское движение за прекращение угнетения и обязаны ли мы трансформировать нашу современную реальность» (хукс). Корни радикального феминизма тянутся назад к, как минимум, девятнадцатому веку, когда произошёл более ранний раскол на либеральное и радикальное. Маргарет Марш в последнем исследовании составляет хронику предыдущего анархо-феминистского движения (Марш). Предвосхищая «вторую волну» радикальных феминисток с их убеждённой в том, что «личное — это политическое», эти ранние анархо-феминистки настаивали:

Подчинение женщины укоренилось в устаревшей модели половых и семейных взаимоотношений. Нападая на брак, настоятельно призывая к половой вариативности, настаивая на экономической и психологической независимости и иногда отрицая материнскую ответственность, они оспаривали, что персональная автономия была важным компонентом равенства полов и что юридические права смогут породить такое равенство. (Марш)

Либеральные феминистки же (классифицированные Элизабет Кэди Стэнтон) стремятся к равенству с мужчинами через давление на избирательские права. Только с возникновением анархических и первых радикальных феминисток женщины вступили в схватку с разграничением на личное и публичное. Но в конце концов, когда победа (и право голоса) осталось за суфражистками, сфера личного как вопрос феминизма оказалась забытой. И, пока Эмма Гольдман и Маргарет Сэнгер продолжили сражаться за контроль над деторождением, сексуальность стала сферой Фрейда и Райха. Сексуальность как политическая проблема вынуждена была дожидаться Кейт Миллетт и Шуламит Файрстоун в нашу собственную эру. Анархо-феминистская теория была заброшена, и не в последнюю очередь из-за мужчин-анархистов. Как следствие, пострадал и анархизм, и феминизм. К примеру, мало кто из социального или радикального комьюнити феминисток развивал критику нации и государства. Предсказуемо, вскоре начали появляться аргументы в пользу «феминистского государства» (МакКинон). И в то время как анархистская тактика непосредственного действия давным-давно стала важной частью феминистского движения, число непосредственно анархо-феминисток оставалось небольшим по сравнению с числом социальных, радикальных и либеральных. Несколько иную перспективу современного раскола на либеральное и радикальное предложила Энджела Майлз. Осознавая, что традиционное деление и рамки (либеральный феминизм, социальный, анархический, чёрный и т. п.) — это отражение созданной мужчинами поляризованной политики, она подарила нам сконцентрированный на женщинах подход, названный ею «интегральным феминизмом». «Он будет направлен на объединение "революционных/эволюционных" феминисток в борьбе против "всемирной системы доминирования"». «Это, — настаивает она, — огромное количество... феминисток, которые, несмотря на богатое разнообразие волнующих их тем и логических систем, сходятся в феминизме, который выше давления, заставляющего его притворяться зачатком новой политики всеобщей ценности и вселенского значения» (Майлз). Часто, утверждает Майлз, такие феминистки имеют больше общего друг с другом, чем с другими, которые выступают под одним с ними названием. Однако, каким бы полезным ни был интегральный феминизм в вопросе объединения феминисток; его собственные противоречия неизбежно проявятся. К примеру, отрицая «все» формы доминирования, он терпит поражение в разъяснении отношений с государством. Моя задача здесь не догматично отрицать государство (или делить феминисток), а выяснить последствия сложившейся ситуации ради нашей практики. Построят интегральные феминистки своё сообщество с самой нижней ступени или мир увидит пару петиций для институтов статистики, без понимания априори доминирующей природы государства?

Анархизм и деление на личное и публичное

Хорошо, дорогой товарищ, когда я достигну вашего возраста, вопросы секса потеряют важность для меня. Но мы говорим о сегодняшнем дне, и это чрезвычайно важный фактор для тысяч и даже миллионов молодых людей

Эмма Гольдман в споре с Петром Кропоткиным

Пока женщины девятнадцатого столетия пытались справиться с расколом на либеральное и радикальное, либертарики обсуждали «женский вопрос». В Англии один из первых теоретиков анархизма Уильям Годвин сформировал альянс с передовой феминисткой Мэри Уолстонкрафт. В то же время во Франции утопист Чарльз Фурье написал: «социальный прогресс и изменения этого периода истории происходят в условиях продвижения женщин на пути к свободе — и социального упадка, оказавшегося результатом уменьшения реальной свободы женщин» (Бичер). Аналогично, ранний социалист Роберт Оуэн, описывая детали своего утопического общества, мог написать: «оба пола должны получать одинаковое образование, права, привилегии и личную свободу» (Харсин). Увы, как показывает практика, одних благих намерений недостаточно, даже если они создают благоприятную атмосферу, в которой работали персонажи утопий. В своём исследовании сообществ оуэнитов Джил Харсин сделала заключение, что «перенос традиционной домашней жизни в коммунальное общество послужило включению неравенств старого мира в новый» (Харсин). Это разделение распространялось среди современных социальных движений, как чума. В то время как многие мужчины признавали, что женщины должны быть полноправными партнёрами в общественной жизни, они не осознавали тот факт, что это потребует равного участия людей и в семейной жизни. В то же время Пьер Жозеф Прудон (первый человек, получивший ярлык «анархист») отходил всё дальше от позиций утопийцев, рассматривая патриархальную семью как фундаментальную социальную ячейку (Марш). Несмотря на то, что Бакунин стремился к активному участию женщин в общественной жизни, в этом плане он не отличался от Маркса или Энгельса. И государственные социалисты, и анархо-синдикалисты, которые должны были проявить себя в двадцатом веке, не смогли побороть раскол на личное и общественное, который зачастую лишь удваивал рабочую нагрузку женщин. Как писала Марта Экельсберг в исследовании Испанской революции, «основное направление испанского анархического движения отказывалось признавать как специфику угнетения женщин, так и правомерность особой борьбы для преодоления его» (Экельсберг). Как отрасль классической либеральной политики — с упором на личную свободу — анархизм унаследовал от либерализма последовательную предвзятость мужчин. Мало того, что женщины были минимально включены в создание обеих политик, так ещё и анархизм вынес из либерализма серию иерархических дуализмов, иногда негласных, иногда признаваемых открыто. Итого, противопоставление общественного личному, а разума — эмоции стало частью как индивидуалистского анархизма с капиталистической ориентацией, так и социально базированного анархизма.

Тем не менее концепция индивида, сформированная в социальном анархизме, значительно отличалась от подобной ей либеральной. Пока социальный анархизм

стремился сохранять и усиливать связи внутри комьюнити, либерализм хорошо согласовался с набирающим обороты капитализмом. Сфокусированность социальных анархистов на своём комьюнити была нацелена на развитие взаимопомощи, и эта сфокусированность совпала с разработкой социалистических концепций классовой сознательности, солидарности и интернационализма. Либеральное представление отдельных конкурирующих частиц, работающих в собственных интересах, было полным антитезисом левого анархизма. В то время как социальные анархисты и социалисты поняли, что рабочий класс никогда не достигнет равенства в либеральной политической системе, феминистки пришли к пониманию, что женщины никогда не достигнут гендерного равенства в патриархальной системе, которая исключает женщин из общественной жизни. Описывая видимое противоречие между «свободными и равными личностями» и женщинами, поработавшими домашней жизнью, Энн Филипс пишет: «Не впущенный через парадную дверь, патриархат пробрался через чёрный ход. Вместо того, чтобы возражать против всех форм природной власти, ранние либералы запретили себе говорить о том, что государство и семья — это разные вещи» (Филипс). Так раскол на личное и общественное, узаконивший контроль мужчин над принятием общественно важных решений, открыл путь сначала к либеральной, а потом и к анархической политике.

Анархизм, феминизм и экология: за рамками дуализма

[В таком обществе будущего] естественная дружба вскоре создаст то, что тысяча лет искусственных попыток не смогла создать: спонтанную, свободную, прочную, как личная привязанность, организацию.

Вольтарина де Клер

Мы убедились, что анархизм углубил либеральную критику власти. В то же время феминизм расширил понимание индивида. Как бы то ни было, связь между анархизмом и феминизмом остаётся не распутанной, а иногда и парадоксальной. Так, для Л. Сьюзен Браун «анархизм превосходит феминизм в критической способности и включает его в себя» (Браун). Между тем для Английского Нулевого Коллектива «феминизм превосходит анархизм, потому что феминизм показывает власть, иерархию и верховенство в их истинном облике структур мужской силы». Анархизм и феминизм — оба говорят об обществе в целом, но ни один не может полностью заявить господство и руководство над другим. Анархо-феминистская теория сама по себе остаётся относительно неразвитой, несмотря на проснувшийся в семидесятых интерес к ней и красноречивые работы Кэрол Эрлич, Пэгги Корнеггер и других. Синтез этих двух необычайных политических философий (если это вообще возможно и желаемо) ещё предстоит закончить. В настоящий момент каждая предлагает полезный набор инструментов для обзора другой, привнося в ту новый смысл и идеи. Впрочем, объединению анархизма и феминизма предлагается альтернативный подход. Социальный анархизм и радикальный феминизм — оба делали попытки оторваться от своих индивидуалистских корней, тянувшихся из классического либерализма, где индивид противопоставляется обществу. Мы можем преодолеть это

дуалистическое мышление, обратив внимание на растущую область экологии, где отдельные личности становятся частью единства-в-разнообразии (Букчин).

В своём последнем эссе Томас С. Мартин выдвигает тезис, что «переплетение» феминизма, анархизма и экологии может существовать: феминизм как основа, анархизм как уток и экология как связующая нить». Общее у этих движений, утверждает он, это анализ властных отношений. Хотя критика доминирования — неоспоримо важная точка соприкосновения анархизма, феминизма и экологии, само по себе оно является не единственным аспектом человеческого поведения. Заслугой феминизма было то, что он показал, насколько патриархальная мысль обесценила жизни женщин. И не только мысль и чувство, личное и общественное разведены по разным полюсам. Модели поведения, важные как средство существования, также недооцениваются. Забота не только о маленьких, но и о слабых, пожилых, а зачастую и самих мужчинах была возложена на женщин. Ценность опеки и эмпатии, делающих взаимопомощь возможной, была обусловлена нашим длительным пребыванием в статусе ребёнка в женской культуре. Анархизм — теория о силе и власти, а сила и власть имеют склонность действовать в своих эгоистичных интересах. Как теория анархизм отстаёт в толковании такого человеческого поведения, которое возвращает независимость и способность к самопожертвованию. В свою очередь, феминизм, сфокусировавший внимание общественности на связи между автономностью и взаимозависимостью, не давал чёткого высказывания об анализе силы. Возможно, экология сможет предложить нам более широкий набор понятийных инструментов, способный охватить открытия обоих течений. В экологической модели (и здесь я имею в виду социальную экологическую модель) ни анархизм, ни феминизм не будет поставлен перед необходимостью вписываться в понятийные рамки друг друга. Вместо этого каждый сможет развиваться независимо или, что было бы лучше, взаимосвязано. Экологическое мышление проходит красной нитью в последней работе философа Лоррейн Код. Критикуя экофеминизм с его проблематикой идентификации природы и женщин и скрытой «необходимой» вечной женственностью, Код осознаёт ценность экологической модели как двигателя феминизма:

Ориентированный на комьюнити, экологически ответственный социум в силах возвести участие и взаимную заботу в ранг главных ценностей и перестроить дебаты между членами комьюнити из противостояния в обсуждения. Его целью будет содействие взаимоподдержке и не репрессивной атмосфере внутри общества. (Код)

Далее, экология может обеспечить феминизм способами «создания пространства для развития надёжных перспектив, выявляющих взаимосвязь между формами и системами доминирования, эксплуатации и гнёта сквозь разности их манифестов». Экологическое мышление многим обязано либертарианской традиции. От географа девятнадцатого века Петра Кропоткина до современного социального эколога Мюррея Букчина, анархистский взгляд на демократические комьюнити, которые не стремятся доминировать над природой, с близкого расстояния предлагает альтернативы индустриальным капиталистам, угрожающим целостности биосферы. Что могло быть упущено, так это тот факт, что данная экологическая позиция может

включать в себя согласованное преодоление феминистками раскола на личное и общественное. Как результат, открывается путь для продуктивного диалога между мужчинами и женщинами, между феминизмом и анархизмом. В таком случае сможет возникнуть новая политическая форма, которая движется от либерального патриархата с его акцентом на изолированном индивиде к индивиду эгалитарному, к комьюнити и Земле, сообща процветающей во взаимной гармонии.

Список использованных работ

- Martha A. Ackelsberg, «Mujeres Libres and the Role of Women in Anarchist Revolution» in Rohrlich and Baruch (eds.), pp.116–127.
- Anarchist Federation of Norway, quoted in Martin, p.11.
- Jonathan Beecher, Charles Fourier (Univ. of California, 1986).
- Murray Bookchin, The Philosophy of Social Ecology (Black Rose Books, Montreal, 1990).
- L. Susan Brown, “Beyond Feminism,” Our Generation, vol. 21, #1, Fall 1989.
- Voltairine de Cleyre, quoted in Paul Avrich, An American Anarchist (Princeton Univ. Press, Princeton, 1978).
- Lorraine Code, What Can She Know? (Cornell Univ. Press, Ithaca, 1991).
- Hester Eisenstein, Contemporary Feminist Thought (G. K. Hall & Co., Boston, 1983)
- Zillah R. Eisenstein, The Radical Future of Liberal Feminism (Northeastern Univ. Press, Boston, 1986).
- Emma Goldman, Living My Life (New American Library, Meridian edition, New York, 1977).
- Sandra Harding, Whose Science? Whose Knowledge? (Cornell Univ. Press, Ithaca, 1991).
- Jill Harsin, «Housework and Utopia: Women and the Owenite Socialist Communities», in Rohrlich and Baruch (eds.), pp.73–84.
- bell hooks, Feminist Theory: From Margin to Center (South End Press, Boston, 1984).
- Catherine A. MacKinnon, Toward a Feminist Theory of the State (Harvard Univ. Press, Cambridge, 1989).
- Margaret S. Marsh, Anarchist Women 1870–1920 (Temple University Press, Philadelphia, 1981).
- Thomas S. Martin, «The Convergence of Anarchism, Feminism & Ecology», Our Generation, vol. 23, #2, Summer 1992, pp. 1–13.
- Angela Miles and Geraldine Finn (eds.), Feminism: From Pressure to Politics (Black Rose, Montreal, 1989).
- Anne Phillips (ed.), Feminism and Equality (New York Univ. Press, New York, 1987).
- Ruby Rohrlich and Elaine Hoffman Baruch (eds.), Women in Search of Utopia (Schocken Books, New York, 1984).
- Zero Collective, Zero (An anarchist/anarcha feminist monthly), #1, June 1977, London.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Колин Райт
Анархизм, феминизм, индивид
1994

Скопировано 2018-12-05 с <https://dumka.be/ru/news/perevod-kolin-rayt-anarhizm-feminizm-individ>

ru.theanarchistlibrary.org